

Есть такая должность —

Покровский

Большой театр отправляется на гастроли в Японию. Будут показаны балеты «Лебединое озеро», «Корсар», «Дон Кихот» и оперные спектакли «Евгений Онегин», «Орлеанская дева» и «Князь Игорь», в разное время поставленные одним режиссером — Борисом Покровским. Наш корреспондент встретился с этим выдающимся деятелем музыкальной культуры и попросил его рассказать о подготовке к ответственным выступлениям. Но разговор, как это часто бывает, принял несколько иной оборот.

— Эти спектакли очень редко ставились, поэтому несколько законсервировались, не развивались. Мне пришлось некоторое время вернуться в Большой театр и заняться их подновлением, освежением, что ли — и в смысле мизансценировки, и в смысле составов. Я работаю с солистами, с хором и даже вставаю одну сцену в «Князя Игоря» — сцену бунта, которую я задумал уже давно. Руководство организующей гастроли Большого театра фирмы «Джапан арт», с которой меня связывают хорошие отношения, просило меня позаботиться о качестве отобранных им спектаклей. Что я, насколько возможно, и делаю.

— Положение в Большом театре вызывает опасение за исход гастролей?

— Время для гастролей не очень удачное: в театре перестройка. Еще сильны прежние принципы взаимоотношений в коллективе. Эти так называемые производственные отношения очень мешают сейчас работе. Спектакли переходят как бы в другие руки. Но и в новых руках они должны подчиняться единой концепции. Это не так просто, но возможно.

— А нужно ли Большому сегодня ехать куда-либо?

— Лишать театр гастролей сейчас нельзя. Коллектив должен получить хоть какой-нибудь дивиденд, который мобилизовал бы его на активную деятельность. Знаете, я почти не узнаю артистов, с которыми долго и хорошо работал. Они потеряли энергию, тот темперамент ответственности, без которого не может существовать ни один театр. Это касается и хора, и солистов, и оркестра — всех. У меня нет опасений, что театр может там оскандалиться: когда артисты выходят на сцену, работать хуже того, что подсознательно диктует им художественная совесть, они не могут. Но мобилизация внутреннего, человеческого даже коллективу необходима. Он должен ехать! И я надеюсь, поездка эта пойдет на пользу всем.

— Что в сложившейся ситуации вас волнует больше всего?

— В Большой пробралось дилетантство. В планировании и организации репетиций, в администрировании творческого процесса — всюду дилетантство, приблизительность. Конеч-

но, все это возможно преодолеть, но не сразу, потребуется время. А мне, возможно, придется ставить «Хованщину» Мусоргского в этом театре. И я волнуюсь, потому что хочу мобилизовать коллектив к такой грандиозной работе. А они пытаются творчески вопросы решать гуртом. Таким манером проводятся только забастовки. Я недавно в шутку сказал хору: давайте забастовку устроим. А они мне: не-е-ет, давайте репетировать!

— Артисты давно устали от сенок и интриг. Они оскуклили по работе, по новым партиям...

— Да, они хотят работать. С удовольствием приходят на мои репетиции — даже раньше срока приходят — дисциплина отменная. Но они вдруг начинают мне что-то объяснять. А мне объяснять не надо. Эти оперы я знаю лучше любого дирижера, любого артиста, любого концертмейстера и художника. Потому что я эти оперы пос-та-вил. А они, желая помочь, начинают проявлять демократию. Демократия — вот то, что может развалить любой театр. Каждый хочет внести свою лепту, а вносит, извините, фигу с маслом.

— А что конкретно вас задевает и раздражает?

— Солидные люди, актеры, ведут себя так, будто они не отвечают поряд Большому театру. Свои личные интересы они как бы противопоставляют общественным. Это стало даже модным сейчас — противостоять общему интересу. Для меня удивительно, например, что некоторые артисты отказались поехать в Японию, потому что у них есть более выгодные предложения на это время. Некоторые отказываются от очень важных ролей, потому что эта работа совпадает с каким-либо предложением со стороны. Или такая ситуация: я жду актера на репетицию, а он в это самое время может находиться в Пензе. Вот эта плохая организация мешает. Без порядка не может быть творчества.

— Кто будет дирижировать вашими спектаклями?

— Все три я ставил с Лазаревым, и ехать должен был он, а теперь в результате конфликта не поедет. Поэтому мне немножко сложно... На «Евгения Онегина» приглашен П. Феранец, только что поставивший в Большом «Свадьбу Фигаро». Публике он совершенно незнаком, я же хорошо его знаю, мы друзья, в свое время вместе ставили в Вене «Шелковую лестницу» Россини. «Князем Игорем», вероятно все, будет дирижировать П. Сорокин. Я готов всячески ему помогать. Надеюсь, он выдержит предстоящее боевое кра-

В.А. Покровский на премьере спектакля «Дворянское гнездо» в Московском Камерном Музыкальном театре

шение. «Орлеанскую деву», как мне сказали, поведет А. Чистяков, которого я почти не знаю. Но ведь в искусстве трудно что-либо предсказать заранее. Однажды к нам в Большой театр пришли стажироваться три студента консерватории. Через полгода один дирижировал сложными спектаклями, другой вел репертуар, а третий просто уже «Псковитянку» поставил. Это были Рождественский, Эрмлер и Светланов...

— Борис Александрович, в каком качестве вы поедете в Японию — как постановщик или как член художественной коллегии?

— Коллегия эта еще не собиралась. И потом у нее должны быть консультационные функции. Она не должна руководить. Коллегии существуют сейчас во многих театрах мира. Собственно, коллегия и организовала в свое время Большой театр. С моей точки зрения, коллегия нужнее, чем художественный совет, потому что худсовет — это ширма, за которую прячутся ловкие директора, проводя свои решения под эгидой «так потребовал народ».

— И все же, в каком качестве вы поедете на гастроли?

— Я поезду туда... э-э... просто как Покровский. Есть такая должность — Покровский. Мои спектакли едут туда на заклятие. Я бы хотел, чтобы они прошли на таком же уровне, на каком проходят мои спектакли Камерного музыкального театра.

— И последний вопрос. С этим коллективом можно ставить «Хованщину»?

— Очень сложно, но возможно.

Беседовала Елена ЛИТОВЧЕНКО
Фото В. ЗУБАРЕНКОВОЙ